

Сказка С. Топелиуса " Солнечный Луч в ноябре "

Муравьи работали без отдыха и срока. Стоял ноябрь, а делу не видно было конца. Прежде всего надо было наглухо законопатить все щели и щёлочки, чтобы никакой мороз и ветер не пробрался в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить, достаточно ли там запасов, чтобы прожить пять или шесть месяцев в заточении. Потом хорошенько укрепить все входы и выходы на случай вражеского нападения. Потом расчистить все муравьиные дорожки, чтобы на них не осталось ни одного сухого листка, ни одной иголки. И, наконец, надо было залезть на самое высокое дерево и оттуда наблюдать за всем, что делается на свете. А главное – следить за облаками, чтобы не пропустить приближения зимы.

Но не одни только муравьи готовились к встрече зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки – а их на свете 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 369!

Попробуй–ка напиши это число!

Мне сказали, что их ровно столько, но я не поручусь, что это правильно. Может быть, их всего только 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 368.

Земля уже покрылась инеем – семь миллионов застывших капель, семь миллионов жемчужин было рассыпано по земле, и никто их не поднимал.

Увядавшие стебельки трав и деревья оделись в тёмные, печальные платья, и только сосны и ели остались в своих зелёных шубах, которые они никогда не снимали.

Ветры – резвые сыновья воздуха – сметали с облаков белые пушистые хлопья, чтобы укрыть землю.

Замерзающие волны напевали у берегов свою грустную песню, пока наконец сами не заснули под твёрдым ледяным покровом.

Всюду было холодно, пасмурно, печально...

И вдруг в это ненастное время блеснул Солнечный Луч. Он пробился сквозь тёмную снеговую тучу, заблестел на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, помертвевшие деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьев, на все 94 квинтильона букашек, жуков, пауков – сколько их в точности, я уже позабыл, – и в одно мгновение всё кругом изменилось.

– Что это? – с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и пел басом: "Осень пришла, я слышу свист бури..." Голос у него был хриплый, скрипучий, но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца.

– Это ни на что не похоже! – снова сказал филин. – Я даже начинаю фальшивить. Солнце совсем ослепило меня, и я не вижу, что написано в нотах.

Муравьи тоже были недовольны.

– Это куда не годится! – говорили они с возмущением.

Они с большим трудом только что кончили нанизывать жемчужный иней на стебельки трав, а тут вдруг совершенно некстати блеснул Солнечный Луч, и все жемчужины начали таять.

– Нет, это куда не годится! – ворчали муравьи. – Убирали, убирали и вот опять всюду слякоть и грязь!

Но пока они ворчали, Солнечный Луч побежал дальше.

Он скользил по чёрной, голой земле и вдруг наткнулся на засохший осиновый листок. Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал полумёртвый от голода и холода.

"Наверно, зима уже кончилась и вернулось лето", – подумал кузнечик, пригретый Солнечным Лучом.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А добрый Солнечный Луч как будто летел на трепещущих крыльях все дальше и дальше.

Вот он скользнул по замёрзшему пруду, засверкал на ледяной глади. Здесь уже толпились школьники. Все они смеялись и кричали. Мальчики вычерчивали только что наточенными коньками затейливые узоры на льду, а девочки стояли у берега и осторожно – то одной ногой, то другой – пробовали лёд.

– Не нужно ли кого–нибудь согреть? – спросил Солнечный Луч.

– Нет, нет! – закричали ребята. – Нам и так жарко!

– Только, пожалуйста, лёд не растопи! На коньках кататься так весело!

– Ну, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше, – сказал Солнечный Луч.

Около поникшей печальной берёзы он снова остановился.

– О чём ты горюешь? – спросил Солнечный Луч. – Может быть, я могу утешить тебя?

– Нет, – ответила берёза, – меня не надо утешать. Ведь я знаю, что, когда придёт весна, я снова зазеленею и стану ещё лучше, ещё красивее прежнего.

И Солнечный Луч опять побежал дальше.

Вот он заглянул в окно маленького домика и увидел девочку, которая стояла около цветочного горшка и горько плакала.

– Не могу ли я чем–нибудь помочь тебе? – спросил Солнечный Луч.

– Да, да, как раз ты мне и нужен! – обрадовалась девочка. – Я посадила весной миртовый отросточек. Всё время он так хорошо рос в горшке, а вот теперь совсем завял!

– Ну, этому горю легко помочь, – сказал Солнечный Луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток сразу ожил, а у девочки высохли на глазах слезы.

– До свидания! Весной я вернусь опять! – сказал на прощание Солнечный Луч и побежал дальше.

Ему пора было уже возвращаться домой. Но всё–таки он не утерпел и заглянул ещё в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где всё было перевернуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. По комнате сутилась старушка и в десятый раз перекладывала всё с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

– Вот они! – весело воскликнул Солнечный Луч и уткнулся в связку ключей, словно показывая на них пальцем.

– Ах, да вот же они! – обрадовалась старушка. – Хорошо, когда солнечный луч проглянет. Всё тогда идёт на лад!

А Солнечный Луч уже исчез в окне. Он вдоволь набегался в этот день, и теперь ему надо было спешить. Тяжёлые, чёрные тучи уже затянули всё небо, и только в одном месте оставалась щёлочка, через которую Солнечный Луч мог проскользнуть. Хорошо, что он был такой быстрый, – в один миг он очутился за четырнадцать миллионов миль, у самого солнца.

Он вернулся как раз вовремя.

Тучи плотно сошлись, и тёмная завеса опустилась над землёй.

Но Солнечный Луч не унывал – он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал своё путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного: если тебе удалось хоть немного утешить или развеселить кого–нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело.